

Новые книги

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ «СОЦИОЛОГИИ РЫНКОВ»

Е.Ю. Фирсов

Российская экономическая школа, Институт этнологии и антропологии РАН

Некоторые соображения, которые мне хотелось бы высказать по поводу последней книги В.В. Радаева «Социология рынков: к формированию нового направления» (М.: ГУ–ВШЭ, 2003), не будут оформлены в виде стандартной рецензии. Это связано, в первую очередь, с тем, что детальное, по главам, критическое изложение основных результатов этого исследования уже проводилось на страницах данного журнала экономистом М.А. Сторчевым ([2004. Т. 5. № 4. С. 106–120](#)). Я же стремлюсь представить альтернативный взгляд на рассматриваемую монографию. Это сделать тем более сложно, что, в идеале, помимо собственно критики работы Радаева, находящийся в моем положении рецензент должен уделить значительное внимание построениям предшественника. (Надо помнить, что Сторчевой, как и я, представлял экономический подход, но в отличие от меня весьма положительно оценил попытку Радаева его модифицировать.) Однако я попытаюсь максимально упростить свою задачу, с одной стороны, отсылая читателя за подробным описанием сюжетных ходов к готовой рецензии, а с другой – предлагая собственный/независимый вариант критики работы Радаева.

* * *

Российскую гуманитарную науку за ее постсоветскую историю много раз пытались переписывать заново. Сама логика ее эволюции после крушения идеологических барьеров требовала импорта новых идей/интеллектуальных традиций с Запада. Преодоление отставания в развитии, как учит экономическая теория, зачастую облегчается тем, что догоняющая сторона имеет возможность перескочить сразу несколько ступенек в своем развитии, позаимствовав готовые технологические решения у далеко оторвавшихся лидеров. Несмотря на всю дискуссионность этого тезиса, в области анализа эволюции реального производства гипотеза об относительном преимуществе отсталости пока не может считаться опровергнутой. Однако в области разного рода идеологии рассчитывать на быструю и безболезненную модернизацию с помощью заимствований извне явно не стоит. Это легко можно увидеть на примере истории гуманитарных/социальных исследовательских парадигм. Не озабоченная грузом идеологического гнета западная наука для нас все еще, спустя 15 лет после «разрешения свободы», играет роль почти недостижимого идеала: имена российских ученых чрезвычайно редко встречаются на страницах первоклассных американских журналов, а высказываемые в русскоязычных работах идеи на поверку часто имеют западное, а не отечественное происхождение. Однако простой импорт (дискретных) идей зачастую приводил (и приводит) к их «провисанию» в интеллектуально чуждой среде и почти полному отсутствию возможностей для плодотворного развития.

Именно с этой точки зрения мне хотелось бы рассмотреть последнюю книгу Радаева. Можно было бы ожидать, что данная работа, пытающаяся ввести в отечественный академический контекст молодую, но уже достаточно развитую западную социологию рынков, имеет не так много шансов достигнуть полного успеха. Причем произойти это должно в первую очередь в силу институциональных особенностей российской науки, которая не позволит новому направлению занять до конца инкорпорированное положение в своей системе.

На первый взгляд, оснований для того, чтобы придерживаться пессимистического прогноза, у нас не слишком много. Радаев является весьма крупным ученым и несомненным лидером сегодняшней российской экономической социологии. Кроме того, в случае «Социологии рынков» научные задачи ставились не как реакция на сиюминутные интересы западных фондов

(напомним, что заказчиками исследований, положенных в основу эмпирических разделов монографии, выступил российский бизнес). Таким образом, фундаментальные теоретические проблемы, попавшие в поле зрения Радаева, вполне могли быть разрешены вне академической «политики», так часто мешающей формулировать свою позицию.

Тем не менее, следует констатировать, что рассматриваемый текст так и не смог выйти за определенные невидимые рамки – неготовность российской социологии к производству по настоящему оригинальных исследований оказалась слишком значительной, чтобы усилия одного, пусть даже и весьма выдающегося ученого, смогли переломить общую тенденцию и достичь всех тех целей, которые он имплицитно или эксплицитно сформулировал.

* * *

Р. Будон как-то написал: «Несомненно, было бы весьма полезно время от времени обращать внимание социологов на то обстоятельство, что в рамках разбираемых ими проблем модель homo oeconomicus иногда может дать больше плюсов, нежели они полагают, и напоминать им при этом, что выдвигаемые против данной модели возражения имеют скорее метафизический характер...» [Будон 1998: 58]. Нельзя сказать, что предостережение французского социолога было услышано автором «Социологии рынков». Вместе с новой экономсоциологической дисциплиной Радаев принес в российскую историографию и весь пафос ее отрицания / размежевания с экономической теорией. По моему мнению, этот шаг никак нельзя считать оправданным. Рудиментарность российских социологии и экономической теории давала шанс на большее их сотрудничество в процессе развития, чем в случае западной традиции, где конфликт парадигм имеет весьма длинную историю. Попытка Радаева построить «с чистого листа» социологическую теорию хозяйственных отношений не принесла и не могла принести по-настоящему доброкачественных результатов.

Есть определенный принцип, в соответствии с которым сегодня на Западе пишутся претендующие на теоретическую значимость экономико-социологические работы: критика «абстрактных» моделей той или иной области экономики ведется с позиций социологического «реализма», ставятся акценты на культурные и социальные основания индивидуальных выборов и возникающих в их результате трансакций. Так происходит отделение «зерен» от «плевел», при этом роль последних часто начинают играть мешающие *правильному* пониманию (хозяйственной) действительности формально-аналитические построения дисциплинарных соперников. Напряженность критического стиля таких текстов подразумевает существование постоянного референта – обобщенного экономиста-неоклассика, задача переубедить которого остается, похоже, одной из главных для социологической стороны. Российские академические реалии, как известно, в сильной степени отличаются от западных. Поэтому перед буквальным перенесением на отечественную почву тех или иных критических построений необходимо правильно оценивать, насколько они будут уместны в новых институциональных условиях. Всегда должен возникать вопрос: а возможно ли избежать вредного/ложного методологического конфликта и достигнуть синергетического эффекта конструктивного взаимодействия вместо репродукции ненужного противостояния?

* * *

Безусловно, стоящая в сознании Радаева-теоретика проблема фундаментального непонимания между экономистами и социологами совсем не надумана. Вполне признавая влияние обобщенной «культуры» (или, если угодно, «социальности») на экономическую деятельность, первые, тем не менее, готовы отвести ей лишь незавидное место экзогенного параметра, задаваемого вне разрабатываемых (точных) моделей. Таким образом, хотя влияние социального и не отрицается, само оно часто продолжает фигурировать в качестве «прочего». Однако экономическая теория была бы слишком неприятна, если бы попыталась ограничиться в

исследовательской практике подобным умеренным компромиссом. Основной смысл другого, представленного работами неинституционалистов варианта ориентации экономистов по отношению к учету «культуры» можно кратко и, конечно, весьма неполно резюмировать так: при том, что социальные факторы считаются чрезвычайно значимыми, тем не менее, нормы/правила/институты предлагается рассматривать в качестве эндогенных переменных, возникающих как не вполне учитываемый агентами косвенный результат их (одновременной) целерациональной деятельности [Норт 1997]. (Поэтому иногда наблюдаемый в рядах социологов энтузиазм по поводу построений неинституционалистов не должен заслонять от нас того факта, что как исходный, так и конечный результаты их анализа лежат целиком и полностью в пределах собственно экономического способа рассуждения.)

Вклад (западных) социологов в междисциплинарное отчуждение также нельзя игнорировать. (Надеемся, что коллеги будут удовлетворены – хотя бы здесь их усилия не считаются второстепенными.) Оказавшись в ситуации беспрецедентного давления со стороны – превосходящих их численно и организационно – дисциплинарных соперников, социологи должны были содержательно отреагировать на экспансию трактовок экономистов в анализ ранее «чисто социологических» сюжетов. Не нужно забывать, что сама по себе «новая экономическая социология» возникла именно как ответ «субстантивно» мыслящих гуманитариев на чрезмерную прыть математиков-империалистов. Затем в рамках социологии рынков, которую импортирует на российский научный рынок книга Радаева, были предложены достаточно правдоподобные теоретические построения, связанные с разработкой нескольких главных тем – таких, как концепции контроля, сетевые связи, динамика структур и институты рынков и пр. При этом явно или неявно подразумевалось, что эти явления по своей природе эндогенно социологичны, т.е. возникают и эволюционируют не только и не столько в результате действия определяющих поведение акторов экономических стимулов.

Нарисованная картина дисциплинарного раскола – своего рода институциональная ловушка, в которую попала западная наука – вовсе не снимает вопрос о том, что нужно сделать, чтобы избежать этого вредного с содержательной точки зрения разделения. Понятно, что Парето-улучшение наступит только тогда, когда обе стороны перестанут бороться за символическое превосходство. (Надо понимать, что позиция экономиста в споре кажется более привлекательной не только в силу большей институционализации экономической теории, но и в силу значительной убедительности ее предсказаний; ниже мы попытаемся показать, что эмпирические рассуждения Радаева зачастую падают жертвой именно этой закономерности.)

Поэтому карикатурная картина homo oeconomicus – бесстрастного манипулятора рациональными предпочтениями, «робота», который не в силах изменить заложенному в него алгоритму калькуляции убытков и выгод, – ни в коем случае не должна искажать направление научного поиска, заставляя социолога совершить заведомо неверный шаг, отказавшись от удобного инструмента анализа. Несмотря на то что выдвигаемые социологами-теоретиками доводы вполне могут иметь (и, кажется, часто имеют) прямое отношение к происходящему в реальности, опасность чрезмерной социологизации объекта всегда остается весьма значительной. Из-за этого при работе с конкретным материалом перед исследователями зачастую возникает сложный дисциплинарный выбор. Во-первых, понятно, что «социология» не должна подменяться «экономикой» или, в крайнем случае, все той же снабженной «культурой» «околоэкономикой» (на которую давно уже согласились ученые из лагеря противника). Во-вторых, эффективная с точки зрения обогащения научного знания/метода неэкономическая эндогенизация социальных переменных может потребовать постулирования/выведения жестких связей. (Напоминание читателю, что к такого рода конструкциям социологи относятся обычно с сомнением и предубеждением, явно излишне.)

Однако в ситуации конкуренции оптимизационных/теоретико-игровых оснований, всегда присутствующих в экономическом объекте и относительно легко выявляемых, с одной стороны, и противостоящих им закономерностей, достаточно размытых и укорененных в обществе, с другой, сознательный или бессознательный акцент социолога на первые и, следовательно,

активное создание с их помощью аналитических («околосоциологических») конструкций не кажется неожиданным. Таким образом, изрядно «припудренные» «гуманитарными» рассуждения работы могут на поверку оказаться в значительной части «техническими» (нарушая, таким образом, первую «антиэкономическую» заповедь социолога, о которой мы только что говорили). Заметим, что эта «техника» плоха не сама по себе. Серьезная проблема кроется в невозможности полноценной научной критики гетерогенных объяснений. Не будем забывать, что принципы оценки и дальнейшего использования результатов социологических и экономических штудий весьма и весьма отличаются друг от друга.

Поэтому, не оспаривая релевантность классического/неоинституционального подходов экономистов, социология рынков могла бы позиционировать себя в качестве средства анализа реальности, «перпендикулярной» целерациональной деятельности. «Раскладывая» последнюю по подобному экономическо-социологическому базису и явно прописывая алгоритмы аналитического разделения сторон объекта различной природы, можно избежать весьма серьезных методологических проблем. Претензия социологов на право (хотя бы частично) вывести экономическую деятельность из *чистой* социологии может быть вполне убедительной, если они не перейдут при этом незримые границы оправданного и не принесут в жертву своему стремлению к доминированию на чужом дисциплинарном поле содержательную сторону дела. (Напомним, что игнорирование подобного самоограничения, стремление к потворству завоевательным инстинктам уже привело к далеко не бесспорным результатам в случае с работами «экономических интервентов».) Главная черта, отделяющая домены экономического и социологического анализа, могла бы проходить при этом между концепциями эндогенной / экзогенной социальности и экономической/социологической редукции.

* * *

Теперь мы можем попытаться кратко аргументировать следующий тезис: эмпирические разделы рассматриваемой монографии составлены из объяснительных моделей, которые носят откровенно экономическое содержание.

Проблема, кажется, кроется в выбранном Радаевым объекте исследования. Ожидать, что анализ поведения крупных игроков российского бизнеса – сегодня владельцев розничных сетей или импортеров электроники, а в недавнем прошлом представителей хорошо считающей и вполне трезво мыслящей технической интеллигенции – даст много подтверждений факту конструирования/воспроизведения, не имеющих хотя бы опосредованного отношения к калькулированию издержек и прибылей, но заметно влияющих на функционирование рынка паттернов социального взаимодействия, пожалуй, было бы слишком оптимистичным.

Не странно поэтому, что увлекательное чтение эмпирических разделов работы Радаева лишний раз показывает могущество абстрактных аналитических категорий экономической теории, а вовсе не становится свидетельством их слабости, неполноты или ущербности. Несмотря на постоянное упоминание на страницах книги «концепций контроля» и пр. призванных социологизировать анализ понятий, за описываемыми (социальными) реалиями почти каждый раз угадывается легко укладываемый в канон микроэкономического анализа экономический интерес агентов.

По словам Радаева, пришедшие на российский рынок розничных сетей транснациональные операторы имели помимо чисто экономических преимуществ – передовых технологий продаж, экономии от масштаба, позволяющих производить хищническое ценообразование финансовых ресурсов, дешевых кредитов и пр. – и символические, связанные с утверждением новой – легальной, ориентированной на массового потребителя – концепции контроля над рынком [Радаев 2003: 175]. Таким образом, можно было бы предположить, что алармистская реакция российских ритейлеров была связана не столько с боязнью проигрыша в конкурентной схватке за потребителя (экономический фактор), но и с ощущением ими отсталости и несовременности

собственных методов продаж (стратификационный фактор). Однако появление «институционального изоморфизма» или, проще сказать, импорта высокотехнологичных методов работы на рынке, *предшествовало* факту входа западных конкурентов и потому не может восприниматься как своеобразный социологический аналог широко известного в экономике механизма ценового лидерства. Легализация деятельности была продиктована не столько изменением социально укорененных представлений о том, что можно и что нельзя делать рыночному агенту (именно на такой трактовке концепций контроля настаивает Радаев в теоретических разделах своей книги), а вполне рациональной подготовкой к ощущаемому как неизбежный вход сильных конкурентов [Там же: 197]. Российские компании были *вынуждены* вести себя именно так, как они себя вели, а не избрали определенный способ поведения в результате социального взаимодействия.

На страницах книги слишком мало «социально зависящих» друг от друга фирм и связывающих их «социальных контактов»¹, в существовании которых Радаев видит отличие модели экономосоциологической конкуренции [Там же: 55]. Нет там и четко выраженного стремления к «стабилизации рынка, установлению согласованного порядка» [Там же: 57] – скорее мы видим лихорадочную борьбу за занятие пустующих рыночных ниш. При этом появление кооперативных стратегий между агентами происходило очень тяжело и возникало лишь в ситуации возможности получения явного и быстрого и гарантированного выигрыша [Там же: 192]. Таким образом, описанные Радаевым действия российских ритейлеров в значительно большей степени оказывались вызванными оптимизационно-рациональными реакциями на рыночную ситуацию и внешние/экзогенные институциональные ограничения, чем какой-то особенной, порождаемой в процессе взаимодействия агентов «неэкономической» мотивацией.

Сходную оценку можно дать и разделу, посвященному легализации бизнеса [Там же: 198–277]. Стремление продавцов техники к выходу из тени, сопровождавшееся изменением концепций контроля, объясняется Радаевым вполне экономически: ростом давления со стороны государства, которое приводит к необходимости выплачивать большие налоговые/таможенные отчисления, а следовательно, и меняет набор конечных выигрышей игроков, заставляя их увеличивать долю контролируемого ими рынка. Выбор более «белой» стратегии поведения становится опять же (экономически) вынужденным, никак не связанным с эндогенными социологическими процессами. Изменения в институтах приводят к падению вероятности «серого» ввоза, так как рациональные агенты выбирают теперь другое соотношение риска и прибыли. Это приводит к большей предсказуемости поведения игроков, что в конечном счете увеличивает возможности для кооперации. Таким образом, рынок приобретает все больше черт олигополии, для которой участие в торге с государством является вполне естественным действием: рыночная власть позволяет иметь ненулевую прибыль, в налоговых отчислениях с которой заинтересована власть. Возникающие при этом «параллельные институциональные режимы» являются не столько «социологическим» способом введения новых институтов, сколько классическим примером ценовой дискриминации, с той только разницей, что осуществляет ее не рыночный монополист, а государство.

Заметим, что в этих примерах нам, в сущности, ни разу не понадобилось вспоминать о каких-то собственно социологических механизмах, регулирующих поведение игроков. Анализ Радаева сочетает неоклассический подход (в случае рассмотрения розничных сетей) и неоинституциональный (в случае исследования легализации торговли электробытовой техникой), но не собственно социологический, подробному описанию которого посвящена теоретическая часть книги. Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемый текст является по своей природе экономическим исследованием (как бы ни были неубедительны столь

---

¹ Подчеркивает данное утверждение и то, что в условиях асимметрии информации и различия в ожиданиях будущего развития событий различных участников рынка они вырабатывали *различные* деловые стратегии [Там же: 180–195].

однозначные отнесения). Поэтому, несмотря на социологический лейбл, эмпирические разделы книги Радаева могут рассматриваться в качестве своеобразного аналога контрафактного товара, с тем существенным отличием, что в отличие от использования «раскрученной» этикетки для не соответствующей ей продукции автор предлагает «проверенную» экономическую теорию под собственной дисциплинарной маркой.

Возможно, и не стоило бы слишком драматизировать ситуацию. Пусть перед нами лежит еще один экономический текст. Что с того, что он называется «социологией рынков»? Однако, как мы уже указывали, неизбежно возникает важная проблема невозможности полноценной научной критики. Пытаться искать успехи или неудачи автора в рамках разработанной им методологии социологии рынков смысла нет никакого, т.к. *социология*, как таковая, в тексте практически отсутствует. С другой стороны, в связи с неформализованностью объяснительных схем и недостаточностью использования принятой экономической терминологии, встраивание работы в рамки массива экономических текстов вряд ли возможно. Именно это смешение стилей изложения, а не сам по себе факт дисциплинарной подмены, является, по нашему мнению, самым существенным недостатком рассматриваемой работы.

* * *

Тем не менее, из вышесказанного необходимо сделать два важных позитивных вывода. Во-первых, неубедительность «социологизации» конкретных эмпирических результатов вовсе не должна заставить нас сделать заключение об общей нерелевантности анализа с позиций социологии рынков. Столкновение с проблемой часто оказывается весьма полезным для дела. Да, вполне теоретически обоснованная дисциплина, оказавшись орудием, примененным не совсем по назначению, не смогла быть полезной. Однако ничего странного в этом нет: нечеткость разделения способов анализа привела к закономерному итогу – шансы выиграть в конкурентной борьбе всегда зависят от наличия сравнительного преимущества, роль которого в данном случае играет большая уместность того или иного исследовательского метода. В случае с объектом Радаева собственно экономические интересы агентов настолько сильно доминировали над «социальными», что практически не оставили шансов для построения «автономного» социологического объяснения. Однако это вовсе не означает, что в ином случае соотношение сил могло бы оказаться другим. Именно этот тезис и должен заставить нас отказаться от преждевременных похорон социологии рынков и попытаться найти ей более удачное и уместное применение.

Во-вторых, конкретная локальная неудача должна быть поставлена в контекст общедисциплинарной ситуации. Критикуя «Социологию рынков», мы все время должны задаваться основополагающим вопросом: почему, несмотря на использование лишь первоклассных ингредиентов – хорошего ученого, доступа к полю, оригинального, быстро эволюционирующего прямо на глазах объекта, вкус конечного блюда получился столь неоднозначным? Не берусь судить, насколько оправданным является предложенный в начале данной работы диагноз, однако другого объяснения у меня, к сожалению, нет.

Литература

Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс, 1998.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.

[Сторчевой М.А. Социология рынков: экскурсия в новую методологию // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 106–120.](#)